

СЕРГЕЙ НОСОВ

A hand is shown at the bottom, holding a large black cutout of a smiling face. The cutout has two almond-shaped eye holes and a wide, curved mouth. The background is a textured, crumpled piece of yellowish-brown paper.

**СТРАШИЛКИ
ОБЫКНОВЕННЫЕ**

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Сергей Анатольевич Носов

Страшилки обыкновенные

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23180770
Страшилки обыкновенные: Лимбус Пресс;*

Аннотация

«**Он.** Прости, но на презентацию нового тренажера ты пойдешь, похоже, одна. У меня заболела нога, и я не смогу тебе составить компанию.

Она. Нога? Правая или левая?

Он. Правая.

Она. А в каком месте, дорогой?

Он. Вот здесь. И здесь. Особенно ниже колена.

Она. Надо вызвать доктора...»

Сергей Носов

Страшилки обыкновенные

Он. Прости, но на презентацию нового тренажера ты пойдешь, похоже, одна. У меня заболела нога, и я не смогу тебе составить компанию.

Она. Нога? Правая или левая?

Он. Правая.

Она. А в каком месте, дорогой?

Он. Вот здесь. И здесь. Особенно ниже колена.

Она. Надо вызвать доктора.

Он. Ерунда, нога – не сердце. Отдохну, посплю, может быть, приму ванну, а ты собирайся, надо спешить, тебя ждут на презентации тренажера.

Она. Никуда не пойду без тебя. Что я забыла на этой дурацкой презентации? Почему меня должны там ждать – без тебя? Кто я им? Я лишь твоя жена. И все.

Он. Не огорчай меня, дорогая. Ты же знаешь, как я ждал тренажер... Иди, иди, тебе должно понравиться...

Она. Кто чемпион в тройном прыжке – ты или я?

Он. Я дважды чемпион в тройном прыжке, дорогая. Забей: прыжок тройной, чемпионство двойное, но ты – единственная. Сделай приятное мне, сходи на презентацию, там будут кадыки теленка, запеченные в тесте с лимонным кремом.

Она. Но... я не хочу кадыков...

Он. Груши во фритюре с ванильным соусом, ароматный десерт, ты же любишь сладкое...

Она. А как же ты?

Он. Про меня скажи: у него заболела нога. Они поймут.

Она. Но... я, право, не знаю...

Он. Об одном прошу тебя: подадут мясо кенгуру – не ешь!

Она. Мясо кенгуру?

Он. Обещай, что ты не будешь есть мясо кенгуру.

Она. Хорошо, я не буду есть кенгуру. Я даже не знала, что мясо кенгуру съедобное.

Он. Иди. Иди, дорогая. Я лягу. Устал. Счастливо.

Она. Дорогой, я буду помнить о тебе...

Он. Помни о моем запрете.

Спустя четыре часа.

Он. Ты уже возвратилась? Та к рано? Как прошла презентация?

Она. Вполне сносно.

Он. Тебе понравился тренажер?

Она. В целом, да. Хотя... ты же знаешь, я ничего не понимаю в тренажерах.

Он. Кто-нибудь вспомнил о моем тройном прыжке?

Она. Да, конечно. Говорили, что твой тройной прыжок очень техничен.

Он. Понравились ли тебе телячьи кадыки?

Она. Запеченные в тесте с лимонным кремом?.. Не блюдо, а сказка!

Он. А груши во фритюре?..

Она. С ванильным соусом?.. О-о-о! Объеденье!.. Жаль, что ты не попробовал.

Он. А мясо кенгуру? Ты ела мясо кенгуру?

Она. Что это? Что у тебя с ногой?

Он. Ты не ответила. Я тебя спросил, ела ли ты мясо кенгуру?

Она. Боже... твоя нога...

Он. Отвечай, ты ела мясо кенгуру?

Она. У тебя нет ноги...

Он. Ты ела Мясо Кенгуру?!

Она. Только... кусочек...

Он. Отдай мою ногу!

* * *

Обладатель мужского голоса, иным словом, первый.

...Его любил Леонид Андреев. Хотя сам писал по-другому, не так. Но его любил. Любил и побаивался. А кто его не побаивался? Все побаивались. И Горький, и Блок, и Тургенев, я уже не говорю о Боборыкине, о Потапенко... Чехов, и тот побаивался... Все!.. И вот Леонид Андреев, который

натурально побаивался, сам хотел его напугать, была у него мечта такая. А в Ясную Поляну он часто приезжал, любил это дело... Придет, бывало, заведет разговор о Горьком или о Стриндберге, например, или неважно о чем, об индийской йоге... и вдруг сделает глаза вот так... как он один умеет... и глядит на него. За столом-то, за чаем. Ну это, конечно, когда нет Софьи Андреевны рядом. При Софье Андреевне не смел. И глядит – а ему не страшно. Неприятно, это да. Но страха не было. Он потом Софье Андреевне говорит перед сном: «Жена! Меня Андреев пугает, а я не боюсь». И Горькому говорил, когда тот приезжал: «Пугает меня Леонид Андреев, а я не боюсь!» А тот что придумал еще – видит, что взглядом не проймешь, так он что – так он стал тогда вот что: облизываться. Глядит, глядит – и облизнется. Это он нарочно так; у Бердяева, у того нервный тик был – он, это известно, язык показывал; болезнь такая. А Владимир Соловьев, тот хохотал по-сатанински. И никто не знал, когда захохочет. Вроде бы говорит с вами о Канте, о богочеловечестве каком-нибудь, о мерах к подъему народного благосостояния, вы и не ждете от него ничего эдакого, а кто знает, что у него там в мозгах щелкнет? – как захохочет ни с того ни с сего сатанинским хохотом жутким! – все кто слышат, у всех мурашки по коже!.. Но это он не нарочно. А тот нарочно. Раз – и облизнулся. Глядячи на могучую бороду. Каково?.. Если б Горький, куда б ни шло... но тоже страшно... А когда Леонид Андреев... Да так...

Обладательница женского голоса, иным словом, вторая.

Я боялась нескольких книг в детстве. Например, дедовскую «Акушерский семинарий» с черно-белыми картинками. А еще – книгу пьес драматурга Сухово-Кобылина. В ней ничего не было страшного, но меня пугала фамилия: жутковатая, нечеловеческая какая-то. Автор мне представлялся в образе сросшихся близнецов, на близнецов не похожих, потому что один был худенький, тощий, а другой здоровячек с продолговатым лицом и большими ноздрями. На самом деле он был, говорят, красавцем, но я его портрета никогда не видела и вообще книгу ни разу не открывала. Она стояла на верхней полке у деда, и этого для меня было достаточно. Лишь однажды, набравшись храбрости, я сняла книгу с полки, чтобы тут же поставить на место, развернув корешком к стене, и содрогнулась, представив себя женой этого человека... Позже я узнала, что его подозревали в убийстве любовницы, но он сумел оправдаться.

Иным словом, третий.

Он предложил нам пятнадцать баксов, чтобы мы его довели до Первомайска. Было темно на перроне, наш почтовый – последний, – если бы я увидел его зрачки, я бы не стал связываться. Ну мы пустили с Никитичем – кто ж знал? Каморку дали ему, он на верхнюю полку залез, едет, как в люк-

се, мы потом сели перекусить уже у себя, Глинск проехали, Новые Скуделицы, Никитич мне говорит: поди возьми пятнадцать баксов, – мы ведь сразу не взяли. Я пришел за деньгами, а он: какие деньги? – прыг вниз и пошел по проходу зачем-то. Ходит и трогает: что увидит, то трогает. А у нас там рубильник, щит, посылки стоят, а он ходит и трогает. А мы колбасу нарезали, а он и ее трогает. А ногти грязные, не стриженные... Тощий, длинный, глаза стеклянные. Никитич говорит: да ведь он наширяться, смотри, взяли какого. Я говорю: деньги давай! А какие у него деньги, он и так был хорош, да еще в каморке добавил – у нас. Я говорю, не дашь денег – на ходу выкинем, а он тут и меня, понимаешь ли, трогает – за плечо, за локоть. Деньги давай, сука! Шлеп, шлеп по карманам – ни документов, ни денег – достаю пакет, полный таблеток. Ну мы тебе сейчас покажем колеса! Я дверь открыл, а там, помню, луна, деревья мелькают, все равно до осени не дотянешь, загнешься, – Никитич его за шкирятник и за ремень сзади – пинок под зад – и в темноту. Как не было.

* * *

Она. Почему ты такой задумчивый? Что-нибудь произошло на работе?

Он. С начальником. Он нас всех озадачил сегодня.

Она. Грядут увольнения?

Он. Да нет, я же говорю: с начальником!.. Что-то произо-

шло с Пивоваровым. С ним самим.

Она. Что же может произойти с вашим Пивоваровым?

Он. Понимаешь, он решил поздравить нас всех с Новым годом...

Она. Это естественно. На то и начальник.

Он. Да, но он нарядился Дедом Морозом.

Она. Бывает.

Он. Ватная борода, мешок с подарками, тулуп... Заставил каждого прочесть стихотворение... или спеть. Спел – получиай подарок. Кому-то леденец, кому-то свистульку... Мне вот набор зубочисток.

Она. И ты не доволен?

Он. Сначала мы все смеялись, дурачились... А потом нам стало страшно.

Она. Страшно?

Он. Когда мы поняли, что он не шутит. Что он думает, что мы думаем, что он действительно Дед Мороз. Он выдавал себя за Деда Мороза на полном серьезе. Понимаешь? Будто он Дед Мороз, а не Пивоваров, прикидывающийся Дедом Морозом.

Она. А ты уверен, что это был Пивоваров?

Он. А кто же еще? Дед Мороз? Нет, это был Пивоваров. Только не обычный Пивоваров, а сумасшедший.

Она. У тебя все сумасшедшие. Ты и меня считал сумасшедшей. А я нормальная. В отличие от тебя.

Он. А я ненормальный?

Она. Не знаю. Просто он вас разыгрывал. Вот и все.

Он. Ты бы видела его глаза... Я тебе говорю, он обезумел.

Честное слово.

Она. А чем кончилось... поздравление?

Он. Ничем. Поздравил всех и ушел. И еще пообещал прийти домой к каждому. Будет поздравлять персонально.

Она. Зачем?

Он. Тебе же говорят: умалишенный.

Она. Да, это действительно странно.

Звонок в дверь.

Он. Ну вот. Легко на помине.

Она. Открыть?

Он. Я сам.

Она. Только спроси, кто там.

Он. Кто там?

Голос из-за двери. Это я, Дед Мороз.

Он (*шепотом*). Он.

Она (*шепотом*). Ты видишь в глазок?

Он (*шепотом*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.